

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

О Ч Е Р К И
П О И С Т О Р И И
Р У С С К О Г О
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

Сборник VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1963

А. С. ШОФМАН

**К. А. КОССОВИЧ КАК ВОСТОКОВЕД
(1815—1883)**

Научная деятельность крупного ориенталиста Каэтана Андреевича Коссовича не нашла достаточного отражения в истории русского востоковедения. За исключением отдельных замечаний, нет ни одного исследования, которое бы определило его место среди русских востоковедов. Архивные материалы, хотя и разрозненные, позволяют ныне восстановить биографию ученого и показать значение его научных работ.

Выйдя из бедной семьи белорусского священника, Коссович получил среднее образование в Витебской гимназии¹. Не имея никаких средств, он пешком пришел из Полоцка в Витебск, для того чтобы учиться. Прекрасно окончив гимназию весной 1832 г., он поступил в Московский университет на словесное отделение (где учился за счет Белорусского учебного округа).

Уже в первые годы пребывания в университете Коссовичу пришлось испытать немало трудностей. Ему угрожала солдатчина за нелестный отзыв о декане филологического факультета Давыдове и племяннике последнего Ландовском. Коссович был посажен в темный карцер. Вышел он оттуда по требованию студентов, которым уступила на этот раз университетская администрация².

Столь суровая мера по отношению к Коссовичу была вызвана, по-видимому, причастностью его к делу «о тайном польском литературном обществе». Дело это возникло в 1833 г. в обществе, основанном И. Савиничем, приятелем В. Г. Белинского по «Литературному обществу 11-го номера». Одним

---

¹ К. А. Коссович вместе со своим братом учился в Полоцке в школе, принадлежавшей католическому ордену пиаров. После того как школа была закрыта, большая часть учеников переехала в Витебск.

² «Русская старина», т. LVII, СПб., 1886, стр. 614.

из главных лиц Польского общества был студент Тадеуш Заблоцкий³. Коссович сблизился с Т. Заблоцким, И. Савиничем, А. Белецким, Л. Максом⁴. Собираясь вместе, они читали Лелевеля, Лафайета, обсуждали вопросы национально-освободительного движения польского народа⁵. Летом 1833 г. Т. Заблоцкий был арестован; К. Коссович, И. Савинич, Л. Макс, А. Белецкий подверглись лишь допросам во время следственного процесса⁶.

Через И. Савинича и Т. Заблоцкого Коссович сблизился с В. Г. Белинским, который хотя и был в 1832 г. исключен из университета, но продолжал посещать своих друзей по «Литературному обществу 11-го нумера»⁷. О дружбе Коссовича с Белинским имеются указания в переписке Н. В. Станкевича.

Позднее Коссович вошел в кружок Н. В. Станкевича и пользовался его большим уважением. В письме к родным Н. В. Станкевич, спрашивая о своих друзьях, в числе их называет Белинского и Коссовича. Именно эти связи Коссовича заставили Министерство просвещения резко воспротивиться желанию университетского правления оставить его при университете для «достижения высшей научной степени»⁸.

В августе 1836 г. Коссович окончил Московский университет со степенью кандидата словесных наук. Не получая назначения, он жил в Москве, давая уроки. О его научных занятиях в эти годы писал В. Г. Белинский в одной из своих литературных заметок в «Московском наблюдателе»:

«Г. Коссович, молодой человек, недавно окончивший курс в Московском университете, будучи страстным эллинистом, внушил нескольким отличным студентам в Москве полезную мысль составить учебный словарь древнего греческого языка. Словарь этот теперь печатается и, по отзывам знатоков дел,

---

³ Т. Заблоцкий (1811—1847), польский поэт, после окончания Витебской гимназии был послан за счет Белорусского учебного округа в Московский университет. 26 октября 1831 г. он был зачислен казенно-коштным студентом словесного отделения. В 1831/32 г. слушал лекции в университете вместе с В. Г. Белинским. 29 июня 1833 г. по распоряжению московского генерал-губернатора был арестован, а 29 августа того же года исключен из университета, отдан в солдаты и сослан на Кавказ.

⁴ «Биографический словарь университетских товарищей Белинского», — «Литературное наследство», т. 56, М., 1950, стр. 422.

⁵ Там же, стр. 382.

⁶ «Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 157 (письмо из Воронежа от 24 апреля 1836 г.).

⁷ «Литературное наследство», т. 56, стр. 341.

⁸ Там же, стр. 382, 429.

труд г. Коссовича заслужит полное внимание и благодарность учащегося юношества»⁹.

Через некоторое время Коссович был назначен учителем греческого языка в Тверскую гимназию¹⁰.

В 1843 г. он был переведен в Москву и преподавал греческий язык в гимназии до 15 октября 1849 г.¹¹. В эти годы он познакомился с П. А. Плетневым, А. С. Хомяковым, И. В. Киреевским, С. П. Шевыревым. Сближение с А. С. Хомяковым и другими славянофилами благотворно сказалось на научной деятельности Коссовича. А. С. Хомяков всячески поощрял его занятия греческим языком. Он называл в письмах Коссовича своим «бесценным другом»¹². Хомяков первый познакомил его с трудами немецких и английских санскритологов Боппа, Лассена, Вильсона.

В отделе рукописей библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится переписка П. А. Плетнева с К. А. Коссовичем, из которой видно, что П. А. Плетнев ценил научную работу своего «доброего и милого друга», давал ему советы быть спокойным при необъективной критике его трудов. «Не смотрите на то, — пишет П. А. Плетнев, — что неприятное для вас появится в русских журналах. Не тут ваши судьи. Придет время, когда имя ваше будет признаваться с благодарностью и почтением, как имя основателя в России школы исследователей санскритской филологии»¹³. К. А. Коссович посылал свои работы П. А. Плетневу и с нетерпением ждал от него отзыва.

«Коссовича я люблю и уважаю, — писал П. А. Плетнев, — если он не будет подавлен тяжелым игом службы, мы в нем впервые увидим из русских истинноученого человека в полном европейском смысле. Сколько у него проницательности, ума, сколько начитанности и сведений»¹⁴.

Дружеские отношения поддерживал К. А. Коссович и с С. П. Шевыревым, у которого он даже некоторое время жил.

В 1849 г. Коссович оставил преподавание в гимназии и через год переехал в Петербург, где поступил на службу в

⁹ Цит. по «Литературному наследству», т. 56, стр. 429.

¹⁰ «Нева», СПб., 1883, № 26.

¹¹ С. Гулевич, *Историческая записка о 50-летию Московской второй гимназии, 1835—1885*, М., 1885, стр. 228.

¹² Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 384, л. 26 (далее — ГПБ); К. Коссович, *Несколько слов в память А. С. Хомякова*, — «Русская беседа», М., 1860, кн. 20, № 11, стр. 89—98.

¹³ ГПБ, ф. 384, Корреспонденты Коссовича. Письмо Плетнева от 14 октября 1848 г.

¹⁴ «Русский архив», кн. 12, М., 1877, стр. 372.

императорскую Публичную библиотеку¹⁵. Директор библиотеки М. А. Корф создал для него особую должность — редактора ученых работ и поручил ему заведование в библиотеке восточными книгами и рукописями¹⁶.

Отделение восточных книг было приведено К. А. Коссовичем в образцовый порядок. Он составил каталог на две тысячи печатных восточных текстов и переводов, принадлежавших библиотеке. Коссович нашел неизвестное библиографам «Евангелие» на арабском языке, изданное в 1708 г.¹⁷. При Коссовиче библиотека «обогадилась всеми примечательными изданиями по части восточных языков, которые вышли в то время как в Европе, так и в Азии»¹⁸.

До последних дней своей жизни Коссович работал библиотекарем¹⁹. В 1869 г., когда он мог бы выйти на пенсию, он просил разрешить остаться на работе в библиотеке. «Служба по библиотеке, — писал он, — для меня поистине драгоценна как с научной стороны, так и по личному сочувствию моему в деятельности этого учреждения»²⁰.

В библиотеке Коссович пользовался уважением; часто оставался заместителем М. А. Корфа во время его отсутствия.

Работу в библиотеке Коссович совмещал с преподаванием санскритского языка студентам Петербургского университета.

Общественно-политические взгляды Коссовича не были последовательными. В годы студенчества он принимал участие в общественном движении, интересовался передовыми идеями своего времени. Позднее, работая ряд лет в провинции, в московских средних учебных заведениях, в петербургской Публичной библиотеке и наконец в Петербургском университете, Коссович постепенно отходил от политических взглядов своей юности. Коссович поддерживал связи с такими деятелями науки и литературы, как востоковед В. В. Григорьев, друг А. С. Пушкина П. А. Плетнев, поэт Н. М. Языков, Н. И. Тургенев, а также со славянофилами А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским, М. А. Корфом и Д. Н. Блудовым. Эта среда не могла не оказать своего влияния на взгляды Коссовича. От близости к демократическим кругам он

¹⁵ Д. Д. Языков, *Обзор жизни и трудов покойных русских писателей*, вып. 1—13, СПб., М., 1885—1916; Д. Д. Языков, *Русские писатели, умершие в 1885*, СПб., 1886, стр. 43.

¹⁶ «Нева», 1883, № 26.

¹⁷ Архив Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 1, оп. 1, 1854, д. 7, л. 5 (далее — Архив ГПБ).

¹⁸ Архив ГПБ, ф. 1, оп. 1, 1860, д. 6, л. 41.

¹⁹ «Журнал Министерства народного просвещения», ч. ССХХVI, СПб., 1883, стр. 35 (далее — ЖМНП).

²⁰ Архив ГПБ, ф. 1, оп. 1, 1850, д. 34, лл. 119, 121.

эволюционировал в сторону либерализма. Как ученый Коссович был представителем либерального направления.

Рассматривая литературные и языковые явления, Коссович правильно связывал их с исторической почвой, на которой они возникли. Однако исторические процессы он оценивал с идеалистических позиций.

Коссович был глубоким и тонким филологом, большим знатоком языков. Ему в совершенстве были известны классические языки, языки Древнего Востока — еврейский, арабский, санскритский; из новых — английский, немецкий, испанский, чешский, литовский. Все эти языки Коссович изучал самостоятельно, без преподавателей. Прекрасное знание языков приобщило Коссовича к сокровищам восточной культуры. Он делал их достоянием русской науки.

Свою научную деятельность Коссович начал как эллинист. Через античность он пришел к изучению Востока. В. Г. Белинский назвал Коссовича страстным эллинистом.

Отличные знания латинского языка К. А. Коссович получил еще в годы учения в Витебской гимназии. Еще в те годы попечитель Белорусского учебного округа Г. Н. Карташевский уговорил К. А. Коссовича, как хорошего латиниста, давать уроки латинского языка его детям и племянникам²¹. Греческим языком Коссович усердно занимался в Московском университете и усовершенствовал свои познания в годы учительства.

Коссович до тонкости изучил греческих и римских писателей. Им был сделан перевод грамматики греческого языка Кюннера, к которой он же составил греческую хрестоматию, греческо-русский и русско-греческий словари²². В 1843 г. Коссович издал эту грамматику за свой счет²³. В 1847 г. совместно со своим братом Игнатием Андреевичем Коссович издал два тома «Греко-русского словаря», получившего Демидовскую премию.

К. А. Коссович был крупным семитологом. Древнееврейский язык он изучил еще в средней школе до такой степени, что евреи в Витебске с удивлением говорили о нем, как о знающем Библию лучше раввина²⁴. Коссович перевел с древнееврейского «с самой строгой буквальностью» важный памятник письменности X в. Это был отрывок из

²¹ «Русская старина», т. II, 1886, стр. 613.

²² И. Рогозников, *К биографии К. А. Коссовича*, — «Исторический вестник», т. XXXI, СПб., 1888, стр. 517; ср. «Московский наблюдатель», 1839, № 1, стр. 12.

²³ Архив ГПБ, ф. II, оп. 1, 1850, д. 34, стр. 36.

²⁴ «Русская старина», т. II, стр. 612.

письма Рабби Хисдай бен Ицхак, приближенного одного из халифов испанских, к царю хазарскому²⁵. Этот документ не только выясняет роль евреев в хазарском царстве, но дает также интереснейшие сведения о географических путях «между отдаленнейшими краями тогдашнего восточного и западного мира».

Коссович перевел с немецкого еврейскую грамматику В. Гезениуса, выдержавшую 21 издание²⁶. Эта грамматика считалась наилучшим учебником еврейского языка. Коссович не ограничился ролью переводчика высокого класса. Он дал обстоятельные объяснения и комментарии, а также дополнения из еврейского текста Ветхого завета. В качестве учебного руководства Коссович составил и издал еврейскую хрестоматию и еврейско-русский глоссарий²⁷. В хрестоматии помещены статьи из книг Ветхого завета, «доступные для понимания и представляющие каждая сама по себе некоторое полное целое». Статьи сопровождались исчерпывающими сведениями на грамматические правила. Обстоятельный глоссарий давал объяснения значению слов.

О высоком авторитете Коссовича как семитолога свидетельствует факт его избрания членом комиссии для составления инструкции еврейским цензорам, как знающего «еврейскую цензуру и еврейскую литературу, как религиозную, так и учебную, а также филологические особенности еврейского языка»²⁸.

Однако основное внимание уделял Коссович санскритологии. Именно санскритскому языку и словесности он посвятил лучшие годы своей творческой жизни. С упорством и редкой энергией Коссович самостоятельно изучал санскритский язык и санскритскую литературу. В короткое время он свободно читал крупнейшие произведения санскритской литературы — «Махабхарату» и «Рамаяну», а также законы Ману²⁹. Такой повышенный интерес к санскриту со стороны Коссовича объяснялся уровнем развития в те годы школы историко-сравнительного языкознания. Изучение санскрита было необходимым и важным звеном в деле изучения индо-европейских язы-

²⁵ «Сборник исторических сведений о России и народах, ей единовверных и соплеменных», изд. Д. Валуевым, М., 1845, стр. 185—189.

²⁶ «Еврейская грамматика В. Гезениуса», пер. проф. К. А. Коссовича, СПб., 1874.

²⁷ «Еврейская хрестоматия с ссылками на грамматику Гезениуса и глоссарием еврейско-русским», сост. проф. К. Коссовичем, СПб., 1875 (хрестоматия состоит из статей, примечаний и глоссария).

²⁸ Государственный исторический архив Ленинградской области, ф. 14, оп. 1, 1874, ед. хр. 7422, св. 214, лл. 1, 2 (далее — ГИАЛЮ).

²⁹ «Московские ведомости», 30.I.1883.

ков. Коссович много внимания уделил изучению санскрита, его исключительные способности к языкам нашли себе верное применение, и он недаром заслужил себе славу первого русского санскритолога. Им были переведены многочисленные эпизоды из этих произведений, а также и других сочинений и драм. Коссович был строгим и взыскательным переводчиком. Он говорил, что «памятник эпохи должен иметь на себе отпечаток ее характера; переводчик не имеет права распоряжаться в чужом добре»³⁰.

В 1844 г. в журнале «Москвитянин» был помещен переведенный Коссовичем рассказ из Махабхараты «Сундас и Упасундас»³¹. В 1846 г. Коссович опубликовал перевод санскритской драмы Кришны Мисры в шести актах «Торжество светлой мысли»³². Коссович писал, что это был «первый цельный плод санскритской письменности, перенесенный на русскую почву». В своем обстоятельном предисловии переводчик с большим знанием дела показал смысл религиозно-философских проблем, легших в основу драмы, дал характеристику ведам и индийской мифологии, кастовой системе. Высоко оценивая этот перевод драмы Коссовича, Плетнев считал, что «это — подвиг, превышающий разумение русских критиков»³³.

В 1847 г. появляется выполненный Коссовичем (с его комментариями и предисловием) перевод санскритской повести «Сказание о Видьядгаре Джимутавагане», заимствованной из IV книги огромного санскритского сборника рассказов нравственно-мифологического содержания³⁴.

В 1848 г. Коссович опубликовал древнеиндийскую религиозную легенду «Сказание о Дрुве»³⁵. По своему философскому значению этот рассказ близко примыкает к драме «Торжество светлой мысли». Коссович отмечает промахи перевода этого же рассказа «первенствующего санскритолога Европы» Е. Бюрнуфа и немецкого ученого Г. Брокгауза³⁶.

³⁰ «Торжество светлой мысли». Драма в шести актах Кришны Мисры, пер. с санскрита К. Коссовича, М., 1846, стр. XVIII.

³¹ «Москвитянин», М., 1844, ч. I, кн. 2, стр. 311—329.

³² «Торжество светлой мысли», см. также: «Московский журнал и литературный сборник за 1847 г.», стр. 1—187.

³³ «Русский архив», кн. 12, стр. 372.

³⁴ «Московский журнал и литературный сборник за 1847 г.», стр. 17—50. (Есть отдельное издание.) Автор этого сборника рассказов жил в Кашмире в начале XII в. По преданию, он составил его в утешение цариче Сурьявати, потерявшей внука, кашмирского царя Гарша-Дэвы.

³⁵ «Сказание о Дрuve. Древне-индийская религиозная легенда», пер. с санскрита К. Коссовича, М., 1848, стр. 55. Этот рассказ взят из Бхагават-Пурана, сборника легенд и гимнов.

³⁶ Там же, стр. XIV.

Свой перевод Коссович послал Плетневу, который сделал ему несколько критических замечаний и предложил ему перед тем, как отдать рукопись в печать, показать ее «кому-нибудь». Ни Карамзин, ни Крылов, ни Жуковский, ни Батюшков, ни Пушкин, писал Плетнев Коссовичу, не выпускали в свет рукопись, не прочитав ее с друзьями. «Ваши завистники и враги, — пишет Плетнев, — непременно воспользуются этими чернильными пятнушками. Примите это к сведению для будущего»³⁷.

В 1849 г. Коссович переводит древнеиндийскую драму «Васантазна»³⁸, а в 1859 г. — рассказ из Махабхараты, который еще не переводился европейскими учеными³⁹.

Эти переводы были учебными пособиями при изучении санскритского языка и словесности. Коссович разыскивал в книгохранилищах санскритские рукописи и делал подробные их описания. В феврале 1851 г. Коссович выехал в Англию для расшифровки рукописей Публичной библиотеки, написанных на разных индийских наречиях. Библиотека готовила к изданию каталог восточных рукописей, среди них были и рукописи на языках мало кому известных. Необходимо было командировать в Лондон специалиста «для объяснения их содержания и заглавий». Директор библиотеки М. А. Корф возложил это дело на Коссовича как «чиновника весьма надежного и знающего языки, в том числе английский»⁴⁰. Коссовича отправили в Лондон на два месяца за свой счет. Затем командировка была продлена еще на шесть месяцев⁴¹. Кроме Англии⁴² Коссович побывал также во Франции и Германии.

В архиве библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина имеется полный отчет Коссовича М. А. Корфу о заграничной поездке. Из отчета мы узнаем, что Коссович просмотрел рукописи Британского музея и познакомился с английскими ориенталистами⁴³. Однако ни Вильсон, ни Роллинс, не говоря уже о других, определить содержание привезенных Кос-

³⁷ ГПБ, ф. 384, л. 11. Письмо Плетнева от 14 октября 1848 г.

³⁸ «Москвитянин», 1849, ч. V, кн. 9.

³⁹ «Легенда об охотнике и паре голубей, извлечение из Махабхараты с присовокуплением русской транскрипции, латинского перевода и санскрито-русского глоссария К. Коссовича», СПб., 1859, стр. 124.

⁴⁰ Архив ГПБ, ф. 1, оп. 1, 1851, д. 49, лл. 1—3; ЖМНП, ч. ССХХVI, 1883, стр. 39.

⁴¹ Там же, л. 52; «Императорская Публичная библиотека за сто лет (1814—1914)», СПб., 1914, стр. 207.

⁴² В Лондоне Коссович оставался под надзором русского посланника, тайного советника Ф. И. Бруннова (см. Архив ГПБ, ф. 1, 1951, л. 49, л. 7).

⁴³ Там же, лл. 53, 104.

совичем рукописей не смогли. Коссович стал искать знатоков вне Лондона. С помощью секретаря английского королевского Азиатского общества Норриса ему удалось познакомиться с профессором Кентерберийской академии доктором Рейнгальдом Ростом, который принял его просьбу и потратил на ее выполнение полгода усиленного труда. Рейнгальд Рост расшифровал содержание рукописей; пробел в каталогах рукописей был ликвидирован⁴⁴. Таким образом, благодаря усилиям Коссовича важные материалы по истории индийской культуры стали доступны ученым.

Большое количество источников по санскритской письменности оставалось почти недоступным изучению из-за отсутствия словарей. До 1819 г. заниматься санскритским языком можно было только в Индии у пандитов. Так поступили первые санскритологи в Европе: Кольбрук, Джонсон и Вилькинс. В 1819 г. появился словарь Вильсона, который способствовал изданию санскритских текстов и их переводов⁴⁵. За этим словарем появились словари Боппа, глоссарий датчанина Вестергорда. Но словарь Вильсона вскоре сделался библиографической редкостью, а словарь Боппа едва ли содержал сотую долю материала санскритско-английского словаря.

Необходимость составления санскритско-русского словаря была очевидной.

Еще в 40-х годах у Коссовича возникла идея создания словаря, которую Плетнев всячески поддержал. «Предположение ваше, — пишет он, — об издании санскрито-русского лексикона прекрасно. Но и в этом случае приготовьте душу вашу к испытаниям»⁴⁶. В 1854 г. Коссович по предложению второго отделения Академии наук приступил к составлению санскритско-русского словаря. В течение 1854—1856 гг. в «Известиях отделения» вышло три тетради словаря⁴⁷.

Коссович позднее писал: «Если это сочинение откроет в отечестве нашем доступ к изучению одного из древнейших и прекраснейших языков в мире, то моя цель будет достигнута...»⁴⁸.

⁴⁴ Кроме выполнения своей основной миссии Коссович изучал постановку библиотечного дела в Лондоне, нашел собрание рукописей о русской дипломатии второй половины XVIII в., множество записок о России, очень важных в историческом и статистическом отношении (там же, лл. 57—91, 107, 108).

⁴⁵ Словарь Вильсона составлен по индийским словарям.

⁴⁶ ЖМНП, ч. ССXXVI, 1883, стр. 39.

⁴⁷ ГЛБ, ф. 384. Письмо Плетнева от 9 июля 1847 г.

⁴⁸ «Санскрито-русский словарь», сост. К. А. Коссовичем, СПб., 1854, стр. VIII. При составлении словаря Коссович пользовался высококвалифицированными консультациями И. И. Срезневского.

К сожалению, последующие тетради словаря Коссовича остались не изданными (возможно потому, что вышел в свет большой санскритско-немецкий словарь, составленный О. Бётлингком).

Коссович был одним из ревностных пропагандистов санскрита. О его любви к языку можно судить по публичным лекциям, которые он читал. Темой лекций Коссович выбирал многочисленные санскритские памятники эпоса, потому что «все последующие произведения развивались под его влиянием и вследствие этого не могут быть изложены с надлежащей ясностью без предварительного с ним ознакомления». Будучи прекрасным знатоком греческого эпоса, Коссович всегда сравнивал его с санскритским и устанавливал одинаковые корни их происхождения. «Действительно оба эпоса, — писал он, — греческий и древнеиндийский, воскрешают перед нами отдаленнейшую человеческую жизнь со всеми бесконечными изгибами ее движений и помыслов, со всем неисчерпаемым богатством нравственных побуждений, их вызывавших и руководивших ими, и в то же время завершают все ее духовное достояние на рубеже новой жизни; оба они передают в художественном представлении векам последующим этот протекший невозвратный быт рода человеческого...»⁴⁹.

Не потеряла своего значения характеристика Коссовичем исторических условий, при которых возник и сложился индийский эпос. Исключением, может быть, является оценка буддизма, который им явно идеализируется.

Коссович считал, что первый из двух санскритских эпосов — Рамаяна — является лучшим историческим произведением для «героической эпохи древней Индии». Он показал, что эпоха в нем отразилась «во всей полноте и с безукоризненною верностью»⁵⁰.

Коссович довольно подробно, интересно и красочно передал содержание поэмы. Это было первое полное изложение «Рамаяны» на русском языке. Также подробно было изложено Коссовичем и содержание «Махабхараты». Она, по выражению Коссовича, является поэтической энциклопедией всех событий, всех учений, всего устного творчества большой исторической эпохи Индии⁵¹. В основе поэмы лежит описание борьбы индийских племен. Однако, справедливо указывает Коссович, эта основная тема подчас исчезает от бесчисленного множества вошедших в поэму эпизодов и рассказов,

⁴⁹ «Русское слово», СПб., 1860, № 6, стр. 2.

⁵⁰ Там же, стр. 9, 16, 17, 22, 23.

⁵¹ Там же, стр. 169.

«очень часто состоящих с главною нитью повествования только в отдаленных и едва заметных соотношениях»⁵².

«Махабхарату» Коссович сравнивает с величавым деревом, могучие корни которого дают жизнь новым деревьям. В глубине же роскошного леса, ими образуемого, красуется и растет дерево-прародитель, мало и неприметно возносясь над своим потомством. «Махабхарата» представляется ему великолепно построенным храмом с целым лабиринтом внутренних и наружных построек, созданным многими поколениями в соответствии с главной идеей здания, оставляющим в недоумении самого искусного архитектора, который не может решить, что принадлежит первому строителю и что присоединилось впоследствии⁵³.

Все переводы Коссовича литературных санскритских памятников, санскритско-русский словарь, составленный им, его педагогическая деятельность позволяют считать Коссовича одним из лучших представителей русской санскритологии. Но Коссович был не только санскритологом, он известен и как крупный иранист. Он занимался древней Персией, изучал Авесту и надписи Ахеменидов⁵⁴. Он издал древнейшие памятники таджикского и персидского языков — клинообразные надписи VI—IV вв. до н. э.⁵⁵. В. В. Григорьев недаром считал Коссовича первым в России исследователем арийской древности в ее старобактрийских и староперсидских памятниках.

Коссович первый в России начал преподавать древнеиранские языки: зендский (так в те годы называли язык Авесты) и древнеперсидский⁵⁶.

В 1857 г. Коссович издал четыре статьи зендских памятников⁵⁷. Они были приняты за границу «с выражением живейшей признательности». По утверждению немецких ученых, эта работа способствовала за границей истинным

⁵² Там же, стр. 168.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См. «Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского С.-Петербургского университета...», т. 1, СПб., 1896, стр. 347.

⁵⁵ «Inscriptiones Palaeo Persicae Achaemenidarum quot hucusque repertae sunt...archetyporum typis primus edidit et explicavit...C. Kossowicz», Petropoli, MDCCCLXXII.

⁵⁶ И. М. Оранский, *Изучение истории таджикского и персидского языков в Петербургском университете*, — «Очерки по истории русского востоковедения», сб. IV, М., 1959, стр. 138.

⁵⁷ «Четыре статьи из Зендавесты, с присовокуплением транскрипции, русского и латинского переводов, объяснений, критических примечаний, санскритского перевода и сравнительного глоссария К. А. Коссовича», СПб., 1861, а также в «Трудах Восточного отделения Археологического общества», 1861, т. VIII.

успехам науки «как по части зенда, так и вообще сравнительной филологии»⁵⁸. В России же значение этих памятников было понято не сразу. Так, газета «Санктпетербургские ведомости» в «литературной летописи» в обзоре вышедшей литературы подвергла сомнению важность издания Коссовичем четырех статей из Зенд-Авесты⁵⁹. Однако вскоре в «Русском вестнике» появилась статья доктора Ястребцова под заглавием «Грустный литературный факт». В этой статье автор выступил против необъективной рецензии. Ястребцов назвал сочинение Коссовича необыкновенным явлением в русской литературе⁶⁰. За этим изданием последовал ряд других работ Коссовича по Зенд-Авесте.

Коссович показал себя большим знатоком Зенд-Авесты. В предисловии к изданию зендских текстов и в подробном разборе сочинения Игнатия Петрашевского о Зенд-Авесте Коссович обстоятельно изложил историю открытия и изучения «зендского» языка в Европе, определил значение этого языка в семье других индоевропейских языков⁶¹. С достаточной ясностью раскрыт научный подвиг Анкетиль дю Перрона, познакомившего впервые Европу с языком и литературой Зенд-Авесты. Показана роль датчанина Раска в разъяснении построения Зенда и в выяснении отношения его к другим языкам, значение усилий профессора санскритского языка в Париже Эжена Бюрнуфа в выяснении филологических особенностей зендского языка путем сличения грамматических и лексических указаний Раска и Анкетилья. Не остались без разбора и работы в области зендского языка современников Коссовича Германа Брокгауза (1850), Лассена (1851), Шпигеля (1851) и других.

⁵⁸ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 147, 1865, ед. хр. 422, л. 13.

⁵⁹ «Санктпетербургские ведомости», 12.X.1861. «Нельзя без удовольствия читать, — пишет автор статьи, — предисловие г. профессора Коссовича к его переводу из «Зендавесты». В этом предисловии языком сведущего, умного и сочувственного человека подробно рассказана история обретения зендских памятников, перенесения их в Европу, дальнейшая судьба и окончательное разрешение соединенными силами многих ученых». Вместе с тем автор отмечает: «Потрачено много упорного, усидчивого труда, много знания, много старательных разысканий, сравнений, выводов, сличений, вариантов... текст на языке зендском, текст на языке пеглевийском, перевод латинский, перевод русский, потом глоссарий. Годами отзывается этот труд, несмотря на малый объем книги, и для чего все это? Для четырех глав из «Зендавесты», в которых почти нет ничего!» Подобная точка зрения характерна для некоторых общественных кругов; они считают, что труды по востоковедению излишня роскошь.

⁶⁰ «Русский вестник», т. XXXVII, 1862, № 2, стр. 828.

⁶¹ Архив ГПБ, ф. 1, оп. 1, 1857, д. 50. Работа Петрашевского Коссовичем оценивается отрицательно.

В конце 1865 г. Коссович издал в Париже статьи из «Зенд-Авесты». Воспользовавшись годовым пребыванием за границей (Коссович был направлен в Париж для изучения постановки преподавания сравнительного языкознания), он получил возможность лично участвовать при издании зендских памятников⁶². Коссович выбрал десять статей на древнеперсидском языке, он предпослал им латинский буквальный перевод, сопровождаемый подробными филологическими и критическими примечаниями⁶³. В Париже нашлись лучшие шрифты, изготовленные под руководством известного профессора Е. Бюрнуфа по рукописям, принадлежавшим Анкетилею дю Перрону.

Сборник Коссовича был для молодых филологов единственным учебником языка Авесты. Он имел также значение для лингвистов, а для ориенталистов в особенности. Эта работа в какой-то мере раскрывала тайны древнего языка и расширяла представления о религиозных верованиях в древнейшем Иране.

Как ученый Коссович, по справедливым словам известного ориенталиста В. В. Григорьева, представлял «редкий пример благородного труженика на пользу науки, который все обширные сведения свои приобрел не выезжая из России, приобретением их обязан исключительно самому себе, и приобретал их среди обстоятельств самых неблагоприятных, никогда не упавая духом, никогда не позволяя себе усумниться в своем призвании и в торжестве твердой воли над равнодушием и людским недоброжелательством»⁶⁴.

Представление о Коссовиче было бы неполным, если бы мы оставили в стороне его педагогическую деятельность. Свои востоковедческие знания он передавал молодежи, возбуждая в ней интерес к богатейшему культурному наследству восточных стран.

Еще в 1847 г. ректорат Московского университета поставил вопрос о введении преподавания восточных языков (в частности, санскритского как основного языка при изучении филологии)⁶⁵. Для этой кафедры рекомендовали кандидатуру Коссовича⁶⁶. Для усовершенствования в области санскритологии Московский университет направил Коссовича в за-

⁶² ГИАЛО, ф. 139, оп. 1, 1864, ед. хр. 6284, св. 135, лл. 1—3, 5, 7.

⁶³ «Decem Sendavestae excerpta: Latine vertit, sententiarum explicatio nem et criticos commentarios adjecit, textum archetypi...recensuit D-r C. Kos-sowicz», Parisiis, MDCCCLXV.

⁶⁴ «Нева», 1883, № 26.

⁶⁵ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 33, 1847, ед. хр. 2, л. 79.

⁶⁶ Там же, л. 80.

граничную командировку. Он должен был посетить Берлин, Бонн, Париж, Лондон и Рим. Его научная программа предусматривала: ознакомление с методами словесного преподавания санскритского языка и литературы и корифеями этой науки; изучение санскритских рукописей и наконец установление контактов с Боплом в Берлине, с Лассеном в Бонне, с Бюрнуфом в Париже, с Вильсоном в Лондоне. Под их руководством он предполагал усовершенствовать свои знания в санскрите и изучать санскритские рукописи. Он также надеялся посетить римские библиотеки, а особенно английские библиотеки при университетах Лондонском и Оксфордском, чтобы заняться исключительно изучением санскритских рукописей. Министр просвещения Уваров не дал разрешения на поездку за границу и не считал необходимым учреждать кафедру санскритологии в Москве.

Отказав Московскому университету в просьбе, он подчеркнул, что нет особой надобности вводить в Московском университете преподавание восточных языков, так как оно ведется в Петербургском и Казанском университетах. В связи с этим «отправление за границу молодых ученых должно быть приостановлено до благоприятнейших обстоятельств»⁶⁷. Таких «благоприятнейших» обстоятельств по воле министерства долго не наступало. В Московском университете вернулись к этому вопросу через пять лет, когда там начал работать П. Я. Петров. В Петербургском университете «благоприятнейших обстоятельств» надо было ждать больше десяти лет, когда преподавательскую деятельность начал Коссович.

Почти четверть века Коссович преподавал санскритский и древнеперсидский языки в Петербургском университете⁶⁸. Коссович в конце 1854 г. получил разрешение преподавать факультативно санскритский язык в Главном педагогическом институте. Вскоре изъявили желание заниматься санскритом и некоторые студенты университета⁶⁹.

В декабре 1855 г. Петербургский университет возбудил вопрос об открытии кафедры санскрита на восточном факультете⁷⁰.

11 января 1856 г. попечитель учебного округа Мусин-Пушкин вошел в ходатайство перед Министерством просвещения об открытии санскритско-тибетского разряда. Представленный в министерство проект предусматривал: 1) санскритский

⁶⁷ Там же, лл. 87, 88.

⁶⁸ «Исторический вестник», т. XXXI, 1888, стр. 516—518.

⁶⁹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, 1854, ед. хр. 5436, св. 123, л. 1.

⁷⁰ «Материалы для истории факультета восточных языков», т. IV, СПб., 1909.

язык сделать обязательным для студентов арабско-персидского отделения первого разряда; 2) один из двух языков (санскритский или тибетский) сделать обязательным для китайско-маньчжурского и монголо-калмыцкого разрядов; 3) студенты санскрито-тибетского разряда сверх того должны изучать по своему выбору персидский, монгольский или китайский языки; 4) для студентов первого, второго, третьего разрядов санскритский и тибетский языки считать вспомогательными; 5) студентам всех разрядов восточного факультета и общего филологического разрешить слушать санскритский язык по желанию.

Для замещения кафедры санскритского языка попечитель просил переместить из Москвы П. Я. Петрова, «известного в России санскритолога, совершенно приготовленного для преподавания этого предмета и снискавшего себе известность своими дарованиями и трудами»⁷¹.

Однако этот проект в то время не получил одобрения министерства. Преподавание санскритского языка после многих просьб, настояний и ходатайств было введено только осенью 1858 г. по инициативе самого Коссовича, который начал преподавать этот предмет бесплатно (бесплатно он преподавал с 1858 по 1861 г.)⁷².

По собственному признанию Коссовича многие годы своей жизни он «жертвовал с радостью и сознательно» для изучения санскритского языка⁷³.

Уже во вступительной лекции «о санскритском языке и литературе» Коссович показал важность изучения этого предмета и призывал студентов преодолевать трудности на пути овладения санскритом⁷⁴. «России, — говорил он, — нужен санскритист, как математик, как историк»⁷⁵.

Будучи страстно предан своей специальности, он привлекал студентов самым методом изучения восточных языков. В дух и конструкцию языка он входил после знакомства с алфавитом и словами. Грамматику изучал непосредственно на тексте⁷⁶. Учил он студентов и в университете и на дому. Как вспоминают современники, квартира Коссовича всегда была открыта для учеников. «Являешься, бывало, к Каэтану Андреевичу с чем-либо разработанным дома и находишь его

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 26, 1855, ед. хр. 193, лл. 6, 7.

⁷² «Материалы для истории факультета восточных языков», стр. 117, 118; ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 26, 1855, ед. хр. 193, л. 11.

⁷³ ЖМНП, ч. СIII, СПб., 1859, стр. 249, 250.

⁷⁴ Там же, стр. 240.

⁷⁵ Там же, стр. 249.

⁷⁶ И. Рогозников, *К биографии К. А. Коссовича*, стр. 518.

постоянно за делом: то он обложен разными греческими словарями и занимается составлением своего собственного словаря греческого языка, то разбирает еврейскую библию, то какой-либо арабский или санскритский текст»⁷⁷.

Коссович преподавал санскрит нескольким поколениям русских филологов. О высоком уровне его преподавания свидетельствует представленная им через несколько месяцев после начала лекций подробная программа занятий санскритом в течение четырех лет обучения. Эта программа включала санскритский язык и санскритскую литературу. И язык и литература изучались на базе широкого привлечения исторического, философского и лингвистического материала⁷⁸. Программа Коссовича была принята как руководство при преподавании санскритской словесности на факультете восточных языков.

По настоятельному требованию Коссовича санскритский язык был соединен с персидским в новый (шестой) санскритско-персидский разряд. Изучение санскрита стало обязательным.

Когда разрабатывался университетский устав 1863 г., К. А. Коссович вместе с В. В. Григорьевым подали в комиссию по пересмотру устава свои соображения относительно перспектив в области преподавания восточных языков. Они подчеркивали, что кроме всестороннего изучения языков Востока следует преподавать историю, литературу, законоведение восточных народов⁷⁹. Они смотрели на восточный факультет как на рассадник научного востоковедения.

Научная и педагогическая деятельность К. А. Коссовича получила полное признание у его современников. Его труды приобрели известность не только в России, где Харьковский университет в 1865 г. присвоил ему единогласно почетную степень доктора сравнительного языкознания, где Русское географическое и Археологическое общества избрали его своим действительным членом, но и за границей. Он был избран действительным членом Азиатского общества в Париже, Восточного общества в Германии и других.

Своими научными трудами и длительным преподаванием К. А. Коссович внес большой вклад в историю русского востоковедения.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ «Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского С. Петербургского университета...», т. 1, стр. 348, 349.

⁷⁹ «Материалы для истории факультета восточных языков», т. II, СПб., 1906, стр. 295, 297.